

**СЛОВО ДЬЯКОНА ЕВГЕНИЯ СЕМЕНОВА
ОБ АТАМАНЕ БАКЛАНОВЕ ЯКОВЕ ПЕТРОВИЧЕ
(1809+1873)**

на Девятых Николаевских Чтениях

**РУССКИЙ БОГАТЫРЬ, ДОБРЫЙ КАЗАК, СЛАВНЫЙ АТАМАН,
ТАЛАНТЛИВЫЙ БОЕВОЙ ГЕНЕРАЛ АРМИИ,
ДОСТОЙНЫЙ СЫН ОТЕЧЕСТВА,
СЛУЖИВШИЙ САМОДЕРЖАВИЮ «НЕ НА ЖИВОТ, А НА СМЕРТЬ»,
ЖИВШИЙ ПО ЗАПОВЕДЯМ:
«БОГУ-ДУШУ, ЦАРЮ-СЛАВУ, А СЕБЕ-ЧЕСТЬ »...**

**КАК ГЛУБОКО ВЕРУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК,
ОДАРЕННЫЙ МИСТИЧЕСКИМ ЧУВСТВОМ,
НАЧЕРТАЛ НА СВОЕМ ПОЛКОВОМ ЗНАМЕНИ «СИМВОЛ ВЕРЫ»:
«ЧАЮ ВОСКРЕСЕНИЯ МЕРТВЫХ
И ЖИЗНИ БУДУЩАГО ВЕКА.
АМИНЬ»**

***Посвящается Русскому воину
Святому Мученику Евгению Родионову***

***Кресту Твоему поклоняемся, Владыко,
И Святое Воскресение Твое славим***

***Тогда Иисус рече учеником Своим:
аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе,
и возмет крест свой, и по Мне грядет (Ин.16,24)***

«Любо, братцы, любо, любо, братцы жить, с нашим Атаманом не приходится тужить»... Привольно и легко плыла по русским просторам, путаясь в степном Донском ковыле и застревая в вековых Сибирских елях, ныне затертая, испошленная и изгаженная современной «попсой» старинная народная казачья песня. А ведь, эти песни, протягивая невидимую «золотую нить» между прошлым и настоящим и устанавливая незримую связь времен, соединяют нас в Великий Русский Народ, обладающий многовековой культурой, неповторимыми идеалами и безценнейшим даром – Верой Православной. Старинные казачьи песни, задевая в наших душах струны любви к Отечеству, учат нас стойкости и

патриотизму, укрепляют и сплачивают нас, не дают превратиться в «народонаселение», стать той безликой «жидькостью» для процветания «апостасийной плесени», которая ныне разъедает весь мир.

Песни окружали казака с детства и до самой смерти. С песней рождались, с песней шли воевать, в песнях оставались, ложась в могилу. Песнями мерили расстояние, по песням учились воинской науке. Казачья песня проста и обыденна. Она – «службовская» песня, часто исполняемая без музыки, как и церковное пение. Она рассказывает *«о нравах и правилах жизни, о тех нравственных законах, по которым слагается человеческая жизнь. Эти правила чисты и прекрасны: верность, братство, любовь, безкорыстие, трудолюбие, правда и смелость – вот, что извечно воспевал Русский Народ»*. Воспевал он и своих героев. Здесь и Царь Иоанн Васильевич Грозный, и Император Александр I, и Князь Долгорукий, царский посланник, сложивший на Дону свою голову, и плененный шведами Краснощеков, отчаянной смелости казак. Здесь и Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири, и «вихрь»-атаман Платов. Есть песни и о безстрашном и могучем казачьем генерале Бакланове.

Генерал-лейтенант Бакланов, незаслуженно, в угоду нынешней «политкорректности и толерантности», забытый русский герой, блестящий боевой офицер, казак, который возродил былой боевой казачий дух. О его мужестве и воинском умении ходили легенды и слагались песни.

А. С. Бармановъ

Александръ Степановичъ

БАКЛАНОВЪ.

Видѣна Императоръ-Мажоръ, изъ состава состоящаго при Штабъ-квартирѣ Кавказскаго
Корпуса для особаго порученія, въ званіи капитана, во все продолженіе дѣятельности
подъ Кр. Карсомъ, въ 1855 году, съ отличеніемъ въ регулярномъ Кавказскомъ.

J. BAKLANOFF, Général-Major.

Яков Петрович Бакланов родился 15 марта 1809 года в семье хорунжего Войско Донского. Его отец, простой и неграмотный казак, участник Отечественной войны 1812 года, заслужил офицерский чин и дворянство. Он забрал сына с собой в полк еще мальчиком, полагая, что казаку воинскому делу начинать обучаться никогда не рано, да и сын у него всегда под присмотром будет.

Шестнадцати лет от роду, молодой Бакланов зачисляется урядником в казачий генерала Попова полк. Отец его, после отслуженного молебна, такими словами благословил сына: «Служи, Яков, верой и правдой Богу, Государю и нашему великому Донскому Войску. Помни всегда, что твой отец без малейшего покровительства, одною честной службой дошел до штаб-офицерского чина. Храни нерушимо простоту отцовских обычаев, будь строг к себе, а больше всего – не забывай свою благодатную родину, наш Тихий Дон, который вскормил, взлелеял и воспитал тебя!»

С 1825 года начинается настоящая воинская служба юного казака, а к 1828 Яков Петрович уже получает погоны хорунжего. Он участвует в Крымских походах и в войнах против Турции, где в боях и стычках храбрый и дерзкий Бакланов не раз отмечен начальством и награжден двумя боевыми орденами, причем, за излишнюю пылкость и отец не раз «отмечал» сына, собственноручно «дубасил по спине нагайкой» - как потом признавался Яков Петрович.

В 1834 Бакланов был переведен на Кавказ под командование легендарного генерала барона Григория Христофоровича Засса. Служба под началом генерала Засса стала безценной школой для молодого офицера. Начался самый выдающийся период службы генерала Бакланова.

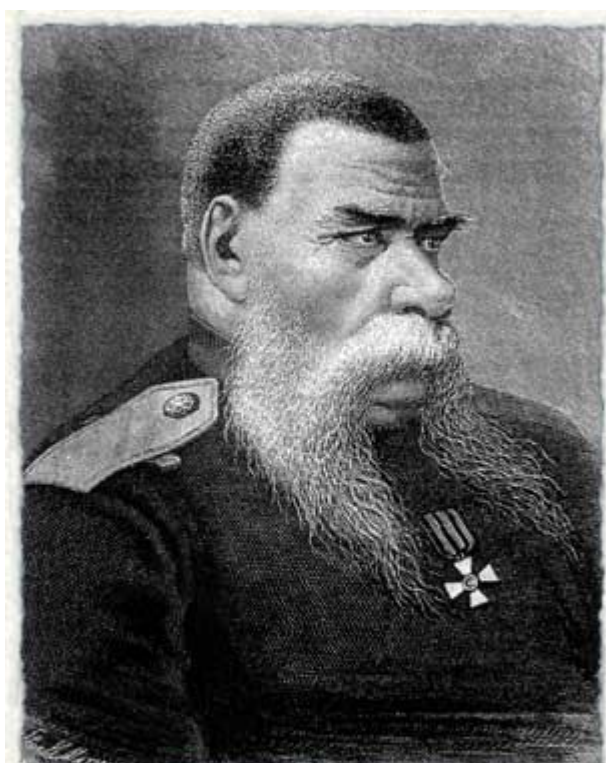
В 1846 Яков Петрович, награжденный за удаль и безстрашие орденом Св. Владимира 4-й степени, будучи только в чине войскового старшины (майором!), принимает командование 20-м Донским казачьим полком на левом фланге Кавказкой линии. Полк к этому времени имел удручающий вид и отличался крайне низкой боеспособностью. Донские казаки, необученные ведению боевых действий в непривычных горных условиях, уступали линейным казакам, и когда участвовали в боевых стычках с горцами, то несли большие потери. Были они слабо обучены и владению стрелковым оружием (в отличие от горцев), поэтому, многие казаки 20-го полка находились на подсобных работах либо в денщиках. К этому времени Бакланов многому научился, перечитал много книг по

военной истории и понял, что нельзя, казачьи полки, разобранные на ординарцев и денщиков, оставлять в таком виде. Ведь казак, не умеющий владеть оружием, на плохой заморенной лошаденке станет легкой добычей ловкого черкеса-джигита. И Яков Петрович сделал то, что до него еще никто не делал. Он вернул всех казаков в строй и установил строгий контроль над содержанием коней, фуража и оружия. В полку ввел обучение казаков стрелковому и артиллерийскому делу. В каждой сотне один взвод был снабжен шанцевым инструментом и обучен саперному делу. При нем полковая ракетная батарея из бесполезной обузы превратилась в мощное оружие, осыпавшее неприятеля особыми, начиненными порохом и пулями, ракетами. Также Бакланов организовал в своем полку *«седьмую сотню»*, где под его присмотром обучались младшие офицеры и молодые казаки. Из лучших стрелков и наездников была собрана пластунская команда (прообраз спецназа) для проведения особо опасных операций. Он сам водил разъезды и приучал казаков разведывать в непривычной горной стране – *«все заметь, ничего не можешь проглядеть, а тебя, чтобы никто не видел»*. Молодых офицеров Яков Петрович наставлял: *«О храбрости казака заботиться не надо, потому что казаку нельзя не быть храбрым, но надо, чтобы казак смыслил что-нибудь и поболее одной только храбрости»*, а казаков поучал: ***«покажи врагам, что думка твоя не о жизни, а о славе и чести Донского казачества»***.

В «Баклановском» полку никто не смел во время боя покинуть рядов. Легко раненые должны были оставаться во фронте, те же, кто лишился лошади, должны были биться до той поры, пока не добывали себе новую. Командир и в этом был примером своим казакам. Так в декабре 1848 горцы напали на батальон Тенгинского пехотного полка, занимавшийся в лесу рубкой дров. По первому же выстрелу полетели Баклановские сотни и началась погоня за рассыпавшимися горцами. Один казак, занесенный лошадей, был схвачен чеченцами, да двое других свалились, простреленные пулями. Сам Бакланов был ранен. На полном скаку он вдруг пошатнулся и выпустил поводья. Казаки хотели подхватить его, но он перехватил поводья в правую руку, крикнул: «Вперед!» - и уже мчался дальше на неприятеля. Пуля перебила ключицу левой руки. Кровь проступила через рукав желтой черкески и окрасила ее, но Бакланов, преодолевая страшную боль, продолжал сражаться. Только когда все было кончено, плененный казак был отбит, а с убитых сняли оружие, Бакланов прилег на бурку и позволил казакам платком перевязать ему руку. Верхом он вернулся в Куринское укрепление, туда же казаки привезли искусного

горского врача. Несмотря на столь тяжелое ранение, через четыре дня Бакланов уже вновь был в строю и руководил своими казаками.

Яков Петрович, строгий и требовательный командир, который за пропитый фураж мог и запороть, в боевой обстановке не особо отличался излишним педантизмом в соблюдении устава. Летом он носил красную (на ней не так была видна кровь от полученных ранений) и не стесняющую движений шелковую рубаху, а зимой - огромный тулуп и меховую папаху. И своих казаков перевел на более подходящее для горной местности обмундирование, в основном трофейное. Так же и вооружение.

Генерал Яков Петрович Бакланов (ум. 1873).
Гравюра по наброску с натуры
М.О.Микешина.
7 мая 1873 г.

Полковник Бакланов совершенно изменил подход к ведению боевых действий на Кавказе. Для защиты русских укреплений и селений мирных горцев он перешел от оборонительных к наступательным действиям. Его скрытные, внезапные, упреждающие удары против идущих в набег отрядов горцев и разбойных аулов приносили весьма ощутимые результаты. Создав среди горцев разветвленную сеть агентов, на которых он тратил почти все свое жалование, Бакланов теперь мог опережать их хищнические набеги. Не упуская малейшей возможности сразиться с противником и нанести ему какой-либо урон, Бакланов платил горцам их же «монетой»:

устроивал засады, сжигал аулы, вытапывал посевы и угонял скот. В этой ситуации горцы вынуждены были думать не о нападении на казачьи станицы, а о том, как самим не стать жертвами Баклановцев.

Такая тактика, скрытность движения, внезапность и быстрота удара, доведенные Баклановым до совершенства, способствовали неизменному успеху всех его предприятий. Все это вместе с необычайным внешним видом Атамана вселяло в горцев суеверный страх, и они стали приписывать удачу Бакланова его связи со «сверхъестественными силами». А внешность Якова Петровича была, скажем так, весьма выразительной и способствующей таким представлениям о нем.

Богатырского телосложения, ростом 202 сантиметра, с синеватым лицом, изрытым оспой, огромнейшим носом, кустистыми бровями и длинейшими усами, переходящими в бакенбарды, которые зловеще развевались на ветру... Да и сам Яков Петрович, богато одаренный русской смекалкой и находчивостью, всячески стремился поддерживать эти суеверные представления горцев о своей персоне. Однажды он до смерти напугал делегацию чеченских старейшин, устроив им прием в тулупе, вывернутом мехом наружу и с лицом, вымазанным сажей, при этом злобно вращая глазами и щелкая зубами. Храбрость и выносливость Бакланова были так необычны, что даже его казаки не понимали, как простой человек может все это переносить. Будучи неоднократно раненым (многие ранения Якова Петровича даже не отмечены в его формуляре), Бакланов в бою старался не показывать этого и обыкновенно переносил болезненное состояние на ногах и в строю, отчего горцы считали его просто-напросто неуязвимым.

Так в августе 1851, когда отряд горцев напал на Куринское укрепление, наш герой, выскочив по тревоге из палатки, где он скрывался от жары и зноя, вовсе без одежды, схватил шашку, и, как был раздетым, нагишом, вскочил на коня и ринулся в бой. Вестовой, кинувшийся следом, успел накинуть на него только бурку. С двумя сотнями казаков он выбил восемьсот горцев из укрепления и, несмотря на ранение, долго преследовал их, нанося страшные удары пикой, взятой у казака. На горцев вид голого человека в бурке, словно поросшего шерстью, с разящей пикой в руке, произвел страшное впечатление. Они окончательно уверились, что неуязвимый «Боклю» необычный человек, а все случившееся с ними приписывалось его «мистическим» наваждениям. Вот что поведал один из пленных чеченцев: «Мы с Качкалыковских гор ясно видели белевшуюся отару, которая ходила между форштатом и укреплением. Самые зоркие из нас были убеждены в этом, так же как и в том, что при этом стаде не было ни пастухов, ни прикрытия. Но едва, призвав Аллаха на помощь, мы ринулись вниз, чтобы захватить добычу, как скот провалился, будто сквозь землю, и пред нами очутились веревки с развешанным на них солдатским бельем. Это поразило всех ужасом, потому что чудо это видели мы собственными глазами и сомневаться в нем не могли. Несколько человек поскакали назад, чтобы сообщить об этом наibu. Тот не поверил, но когда горсть казаков врезалась в нашу главную партию, когда наиб и окружающие его воины увидели голого всадника, скакавшего со страшной пикой, и когда от дуновения этого всадника (ведь пикой нельзя повалить столько народу), наши воины стали валиться с лошадей, как опаленные

небесною молниєю, мы побежали назад. Многие из нас узнали голос Бакланова, но был ли то он, или сам шайтан мы этого не знаем».

В бою Бакланов был страшен. Знаменитый «Баклановский удар» шашкой, разваливающий противника от плеча до пояса, неудержимая отвага и снайперская точность стрельбы вызывали не только страх, но и уважение противника. Показателен такой случай. Однажды от своего друга-горца Бакланов узнал, что специально приглашенный Шамилем известный стрелок Джанем похвалялся непременно убить его, когда он будет наблюдать за движением своих войск, стоя на пригорке. «Явилось какое-то во мне хвастолубие, и я решился ехать на курган», - вспоминал позже Яков Петрович. На следующий день он как всегда занял свое обычное командирское место и, сидя верхом, стал ждать, держа в руках заряженный штуцер. Между курганом и брошенной батареей на другом берегу реки Мичик, где засел стрелок, было сажень 150 (около 300 метров). За происходящим молча наблюдали русские войска и скрывающиеся на батарее горцы. Грянул выстрел, но Бакланов продолжал оставаться в седле. Стрелок нырнул за бруствер, перезаряжая винтовку. Второй выстрел пробил справа полу одежды, но полковник так и остался сидеть на коне. Стрелок, не веря своим глазам, высунулся из-за бруствера, и в этот момент Бакланов, не слезая с коня, сделал меткий выстрел, поразив его прямо в лоб.

Наши войска грянули «Ура!», а выскочившие из-за завалов чеченцы за рекой восторженно кричали «якши Боклю!»! У горцев даже родилась поговорка, применяемая к безнадежным хвастунам: «Не хочешь ли убить Бакланова?»

Начальство было в восторге от достигнутых результатов. Набеги заметно сократились, многие замирившиеся горцы стали приходить просить землю и защиты у полковника Бакланова. За заслуги Яков Петрович награждается орденом Св. Анны 2-й степени и золотым оружием с надписью «За храбрость». Но высшей наградой для Бакланова-казака было то, что чеченцы уже не надсмехались над пиками донцов, называя их – «камышом», теперь они их – боялись. Когда же окончился срок службы Бакланова на Кавказе, главнокомандующий Светлейший Князь М.С.Воронцов, обратился к Государю Николаю I с прошением: «Умоляю Вас оставить нам Бакланова».

Государь Император внял этому ходатайству, и полковник Бакланов был оставлен на Кавказе. Приняв командование прибывшим с Дона 17-м казачьим полком. Любовь казаков к своему командиру была столь велика, что вместе с ним остались многие офицеры и рядовые казаки.

Трогательно было прощание Бакланова с уходящим 20-м полком. Когда он выехал к ним – все эти железные богатыри, герои-Баклановцы, увешанные крестами, плакали от правого до левого фланга как малые дети. Сжалось сердце у грозного «Боклю»... Он отвернулся в сторону, махнул рукой и молча выехал за ворота укрепления. Проводил свои сотни до ближайшего поста и там распрощался со своими боевыми товарищами.

Требовательный к службе, Яков Петрович с заботой и любовью относился к казакам, позволяя им в солдатском быту большие послабления. Прибывшие с Дона казаки расспрашивали у старых, что за командир Бакланов. «Командир такой, - говорили казаки, - что при нем и отца родного не надо. Если есть нужда – иди прямо к нему: поможет и добрым советом, и делом, и деньгами. Простота такая, что последнюю рубашку снимет и отдаст, а тебя в нужде твоей выручит. Но на службе, братцы мои, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцев, а бойтесь своего асмодея: шаг назад – запрет аль в куски изрубит».

«С ним не пропадешь», - говорили, и шли за батькой-атаманом прямо через горы, по еле видимым тропинкам, вглядываясь в Большую Медведицу да Волосожарь, в чеченский тыл, и обрушивались на горцев как снег на голову. Отличившихся Бакланов часто и охотно поощрял, представляя к наградам либо одаривая оружием и деньгами. И казаки отвечали ему безграничной преданностью и любовью, готовые выполнить любой его приказ и идти за ним в огонь и воду.

Один драгунский офицер вспоминал такой случай:

«Когда мы отступали, преследуемые горцами, около двухсот их всадников скопились на огромном кургане, откуда на расстоянии полуверсты они, злорадно надсмехаясь, наблюдали за колонной русских войск. Бакланов вдруг обратился к молоденькому уряднику: «Видишь чеченцев? Скачи и скажи им, что господа офицеры просят их пожаловать к себе на чашку чаю».

Юноша молча повернул коня и, гикнув, полетел как стрела прямо к неприятелю. Все остолбенели... «Я, - говорит автор рассказа, - опомнился первым. - Яков Петрович, - сказал Бакланову. - Вы так серьезно отдали приказание, что мальчонка поверил. Он боится вас больше, нежели чеченцев! По его лошади видно, что он не собирается останавливаться». – «Это мой сын, - спокойно отвечал Бакланов, - он не боится меня, а просто разыгралась в нем наша донская молодецкая кровь».

«Ну, станичники! – крикнул он своему конвою. - Ступай, вертай его назад! Я и забыл, что он не умеет говорить по-татарски».

Казачи, подобравшись в седлах, спустили на перевес свои длинные пики и кинулись с такой решительностью, что горцы, предполагая атаку, мгновенно покинули курган и рассыпались в разные стороны».

И другой случай... В одном бою Яков Петрович неудачно подставился под прицельный огонь горских стрелков. Не раздумывая, его своим телом закрыл знаменитый разведчик-пластун Скопин, имевший к тому времени три солдатские награды, которые позже стали именоваться Георгиевскими Крестами. Пуля раздробила ему плечо, но Бакланов был спасен. За этот подвиг Скопин был произведен в офицерский чин хорунжего.

Как давалась ему такая преданность и уважение казаков можно судить по такому случаю. В ходе одного сражения Бакланов увидел своего полкового офицера Ежова, склонившегося над тяжело раненым в голову молодым офицером. Остановившись возле них, Яков Петрович услышал от плачущего Ежова слова, что раненый - это его, Бакланова, старший сын Николай. Бакланов-отец сурово взглянув на Ежова, отчитал его, сказав, что раненый офицер смело шел в бой и то, что с ним произошло, на то Воля Божия. Это его судьба. «А вот что ты здесь делаешь, когда у тебя еще 800 таких сынов бьются насмерть?!» - И глазами, полными слез, с любовью взглянув на сына, Бакланов ускакал в самое пекло сражения. Николай Бакланов, впоследствии тоже известный полковой командир, отличившийся в Русско-турецкой войне 1877-78, после боя был подобран казаками и более года лечился от ранения.

Но полковник Бакланов был не только лихой рубака и безстрашный казак. Он проявил себя и грамотным командиром, способным командовать не только иррегулярной конницей, и вести партизанскую войну. В зимнем походе 1852, командуя 17-м казачьим полком с приданными ему двумя батальонами пехоты и 9 орудиями, он по существу спас войска генерала Барятинского от разгрома. К этому времени Шамиль, собрав значительные силы горцев, удачно маневрируя, разделил отряды Бакланова и Барятинского, блокировав при этом силы Барятинского у реки Мичик. Тогда полковник Бакланов предпринял то, что Шамиль и предположить не мог. В 2 часа ночи, с 6 сотнями казаков и 4 ротами пехоты, при 2 орудиях Бакланов двинулся через Качкалыковский хребет. Он обошел заслоны горцев по дремучему непроходимому лесу. Тяжелые орудия и зарядные ящики перенесли на руках, а с восходом солнца Бакланов молодецким лобовым ударом взял с ходу чеченские завалы у реки. Он удерживал их, обороняя переправу, пока весь отряд Князя Барятинского (который очень уважал Бакланова и ласково величал его - «Дед») не переправился на

другой берег. «Победа в этом бою досталась нам дорогой ценой, - напишет позже Яков Петрович. – Из полка моего убитыми выбыли: храбрый майор Банников и до 70 казаков, ранено было 2 офицера и 50 казаков, подо мною убито 3 лошади». Именно в этом бою Бакланов применил тактическое новшество, введенное в Русской Армии намного позже под воздействием горьких уроков русско-японской войны – отступление пехоты бегом, а не медленным шагом и колоннами, как было предписано тогда циркулярами. Дождавшись, когда все войска Барятинского переправились на другой берег, Бакланов под прикрытием своей пехоты спокойно переправил артиллерию и развернул ее на другом берегу реки. По условному знаку пехота, оставив свои позиции, бегом бросились к переправе. Когда горцы опомнились и поднялись на завалы, чтобы преследовать отступающих, пехота уже переправлялась, а артиллеристы, прикрывая их, ударили по горцам картечью.

При отходе Бакланов не потерял ни одного(!) солдата. За этот бой Яков Петрович получил самую драгоценную свою награду – Орден Св. Георгия 4-й степени.

С 1853 Яков Петрович Бакланов - генерал – походный Атаман всех казачьих полков левого фланга Кавказкой Линии (Чечня и Дагестан). Его деятельность в этой должности была столь же плодотворна, как и прежде. Генерал-адъютант князь Барятинский так докладывал военному министру: «Известный на Кавказе храбростью и боевой распорядительностью генерал-майор Бакланов, с назначением его походным Атаманом Донских Казачьих Полков, состоящих при Кавказкой Армии, принес существенную пользу заботливостью о благосостоянии вверенных ему полков, как в боевом, так и в хозяйственном отношении. В особенности же я обязан ему улучшением быта тех казаков, которые разбросаны малыми командами для содержания постов и кордонной службы». А в 1855 закончилась

служба Якова Петровича на Кавказе, за которую Государь Император Николай I выразил генералу Бакланову «Свое Высочайшее благоволение».

Яков Петрович был отправлен в действующую армию под осажденную турецкую крепость Карс. Потом участвовал в подавлении польского восстания 1863 и был военным начальником

Августовской губернии (той самой, которая ознаменовалась в 1914 чудесным явлением Божией Матери Русскому Воинству и славной победой русского оружия). Его по-прежнему тянуло в горы, к настоящим боевым делам, но здоровье было уже не то, давали знать многочисленные старые раны.

Яков Петрович Бакланов умер в 1873 в полной бедности и был похоронен за счет Войска Донского. Благодарные донцы соорудили на его могиле в Петербурге выразительный памятник: на могучем куске гранитной скалы брошены бурка, папаха, шашка из темной бронзы и знамя – знаменитый Баклановский Знак - черный флаг с головой Адама и перекрещенными костями. По воспоминаниям боевых товарищей Якова Петровича: «Где бы неприятель ни узрел это страшное Знамя, высоко развевающееся в руках великана–донца, как тень следующего за своим командиром, там же являлась чудовищная фигура Бакланова, а нераздельно с нею неизбежное поражение и смерть всякому попавшемуся на пути».

Этот особый личный знак–знамя, с которым он не расставался до конца своей жизни, Яков Петрович принял в 1851.

БАКЛАНОВСКОЕ ЗНАМЯ

Баклановское Знамя представляет из себя: черный Стяг с вышитым на нем серебром черепом – головой Адама, с перекрещенными под ним костями и с девизом вокруг них, из Православного Символа Веры – **«Чаю Воскресения мертвыхъ и жизни будущаго века. Аминь».**

Боевое Знамя - это символ чести воинов, чести полка. Оно есть вещественное выражение духовных традиций воинов. В этом символе воплощаются самые сакральные идеи народного духа – ЧЕСТЬ, ОТЧИЗНА и ВЕРА. Русское Боевое Знамя - это Священная Воинская Хоругвь, под которой собираются все верные своему воинскому долгу и Родине вои. Во все времена Русские «чудо-богатыри», осеняемые Святым Стягом, несомненно верили – под ним, с нами Богъ, с нами, вся слава Земли Святорусской.

Воинский устав Императора Петра Великого определял верность русского солдата своему Знамени так: «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богомъ от Знамени никуда не отлучаться, но за оным, пока жив, непременно добровольно и верно, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду... Тот же, кто Знамя свое до последнего часа своей жизни не оберег, оный не достоин носить имя русского солдата».

Боевое Знамя – реликвия, олицетворяющая доблесть, славу и боевые традиции части. Особая ответственность за сохранность этой реликвии возлагалась на знаменный взвод – самых достойных и мужественных воинов. Величайшим позором была потеря своего полкового Знамени. И по уставу, знаменный взвод, не уберегший Знамя, подлежал расстрелу, а полк – расформированию. Но готовность русского солдата жертвовать своей жизнью ради защиты своего Знамени была вызвана отнюдь не страхом перед наказанием, а тем благоговейным чувством пред ним и отношением к Знамени как к Святыне.

Святость Русского Воинского Знамени - это не символическое понятие. Это истинная реальность. *Знамя – есть Святыня!* Оно освящено Святыми Ликами и символами, изображенными на нем. Оно освящено Святой Церковью. Оно освящено кровью мучеников, живот свой положивших за Веру, Царя и Отечество. Отсюда и отношение русского солдата к своему Знамени, и ответственность за него. Русская военная история сполна наполнена подвигами героев, не пожалевших жизни своей ради этой Святыни. Все они потрясают до глубины души и выбрать из них какой-либо один невозможно! Здесь все: и Честь, и Отвага, и Самопожертвование.

ПОДВИГ ЗНАМЕНЩИКА

Но я все же осмелюсь поведать об одном подвиге знаменщика Митрофана Иванова. Подвига, может быть, не столь яркого, но явившего всю глубину любви русского солдата к своему Знамени и то чувство долга, которое двигало им. Описал этот подвиг в своей книге «Доблести русских воинов», повествующей о подвигах наших солдат и офицеров в Русско-турецкой войне 1877 – 78, великий сын России, воин и Святитель Церкви Христовой, Священномученик нового времени Митрополит Серафим (Чичагов). Вот его рассказ:

«Герои 4-го батальона Лейб-Гвардии Павловского полка, атакуя Горно-Дубнянский редут, сильно пострадали. Долго Гвардия будет помнить 12 октября 1877. Знаменщиком в этом батальоне был унтер-офицер Митрофан Иванов, который заслужил память по себе за свой героический подвиг. Он понимал, какую Святыню ему вверили, он чувствовал, что честь и слава батальона в его руках.

Сражение было в самом разгаре, всякий солдат стремился скорей достигнуть редута, как вдруг два унтер-офицера, ассистенты при Знамени, видят, что Митрофан Иванов покачнулся.

- Что с вами? – спрашивают они, кидаясь поддержать Знамя, но Митрофан Иванов удержался на ногах, и только строго взглянув на них, сказал:

- Я жив еще!

Действительно, несмотря на свою смертельную рану, он продолжал нести с гордостью Знамя, только на лице были видны сильные страдания. Чем ближе подходили Павловцы к редуту, тем больше турки засыпали всю местность пулями. Знамя было уже в нескольких местах пробито, Митрофан Иванов истекал кровью, но не хотел расстаться со Святыней, пока силы позволяли волочить ноги.

- Оставьте, вам к дохтуру надо! - уговаривал Иванова ассистент, видя, что тот слабеет с каждым шагом.

- Я еще не умер, братец. Как умру – понесешь Знамя ты. Видишь, как я хожу, - отвечал тот и, желая показать свою силу, хотел было поднять выше ногу, но чуть не упал.

- Видите, эх, оставьте! - поддерживая его, уговаривал ассистент.

Долго еще шел Митрофан Иванов, спотыкаясь и останавливаясь изредка, чтобы поглубже вздохнуть, а за ним все ближе и ближе к редуту

подходил батальон. Но вот батальон залег, надо собраться и устроиться; слишком много людей выбито из строя. Силы совсем оставляли Митрофана Иванова. Бледный, как полотно, он не мог уже почти говорить.

- Возьми! - наконец произнес он, передавая Знамя ассистенту.

Видя что Иванов вдруг растянулся пластом и еле дышит, другой ассистент кинулся, чтобы поддержать его голову, но было уже поздно: Митрофан Иванов лежал мертвым. И достойного же себе заместителя выбрал герой! Только что ассистент принял Знамя, как его ранили; но, наскоро сделав перевязку, он поднялся во весь рост и с гордостью понес вперед Знамя, обрызганное собственной кровью, а за ним, вперед устремились Павловцы.

Мир праху твоему, честный воин, знаменщик Митрофан Иванов!»

БАКЛАНОВСКОЕ ЗНАМЯ – СХИМА ВОИНА ХРИСТОВА

Русская Православная Церковь воина, присягнувшего у боевого Знамени, возводила в ранг «высоко Христианского подвижника». Баклановское Знамя - это не только отличительный знак его полка, оно еще несет в себе глубокий духовный смысл. По преданию оно было сшито и прислано на Кавказ в канун праздника Крещения Господня монахинями Старо-Черкасского монастыря. Внешне напоминающее *монашеский аналав* или *нарамник схимнического облачения*, оно несет в себе такое же духовное значение – **является знаком Веры в Воскресшего Христа Спасителя.**

Святитель Симеон Солунский, говоря о Крестах, изображенных на схимническом облачении, пишет: *«куколь... обшит вокруг червлеными Крестами, чтобы Царственным и страшным этим знаменем отгонять нападающих на нас «врагов видимых и невидимых».*

Церковь с благоговением почитает Честной и Животворящий Крест Христов – «истинно драгоценное и досточтимое Древо, на Котором Христос принес Себя в Жертву за нас». По слову преподобного Иоанна Дамаскина: *«Крестом соделалались мы чадами Божиими и наследниками Царства Его. Крест одел нас в ипостасную Божию Мудрость и Силу. Им дана нам сила презирать настоящее и даже самую смерть».* В облачении схимника изображенные в подножии Голгофского Креста Череп и кости («Адамова голова»), символизируют как бы «заживо лежащего во гробу», дабы возродить его из этого гроба к Жизни Вечной. Иногда

Голгофа схематично и, если можно так сказать, в «сокращенном виде», изображалась только одной «Адамовой головой» (череп с перекрещенными костями).

По Священному Преданию мы знаем, что место Крестных Страданий Спасителя – Голгофа, Промыслом Божиим было определено там, где покоились кости прародителя рода человеческого Адама. Голгофа (в переводе «череп») – Лобное место, на котором Честная Кровь и вода, истекши из Прободенного Ребра Распятого Господа нашего Иисуса Христа («Нового Адама»), чудесным образом пролившись на череп и кости «ветхого Адама», омыли и истерли первородный грех человечества и, «убелив» их, «омыв в бани пакибытия» Крещения Божественной Кровию, символично предъобразили сошествие во ад Христа, освободившего от власти ада всех находившихся там ветхозаветных праведников, начиная с Адама. В иконографии Распятия Голгофа выглядит как каменная насыпь, что является точным отображением повествования Синаксаря Великого Пятка: *«Лобное же место глаголется, занеже в потопе востекшей вне земли Адамовой голове, кости точию носиме бытии, яко некоему чуду зримому, юже Соломон честию праотца, со всем своим воинством, каменею множайшим покры. Темже и место то оттоле лифостротон, сиесть, каменнопостлание именовася».*

Голгофа – центр міра (вершина міровой горы), то место, где по Церковному преданию Адам был не только погребен, но и изначально сотворен. *«Первый человек Адам стал душою живущею, а последний Адам есть дух животворящий»* (1 Кор.15.45).

Здесь уместно будет вспомнить и о способе погребения палестинских монахов Лавры Святого Саввы Освященного, и о древнейших на Руси *костницах* в Киево-Печерской Лавре. И о Черниговском Богородичном монастыре, и об Афонских «гробничных церквях», где внизу, в костнице, сохраняются кости почившей братии, а вверху устраивается сама церковь. Помещенные под Алтарем – местом принесения Безкровной Жертвы, останки монахов символически уподобляются главе Адама, лежавшей под

местом Распятия Христа. «Место лобное стало Раем» - так гласит надпись в приделе Адама в Иерусалимском Храме Гроба Господня.

ПРАВОСЛАВНАЯ СИМВОЛИКА «ГЛАВЫ АДАМА»

В православной символике «голова Адама» - это знак жертвенной смерти во имя грядущего Спасения. Через Воскресение к Вечной Жизни. Величайшим образцом такого жертвенного подвига для каждого русского сердца стало легендарное появление на Куликовом поле брани символа «Адамовой головы». Это когда русский богатырь-схимник, инок Свято-Троицкого монастыря Александр (Пересвет), покрытый благословением игумена Земли Русской преподобного отца нашего Сергия Радонежского и схимой (с изображениями на ней Голгофского Креста и «Адамовой головы»), поразил ордынского богатыря Челубея. Сраженный сам, но одолевший врага, русский богатырь, вселил веру в общую победу в сердца всех русских ратников и явил при этом сокровенный смысл эмблемы «череп и кости» - **«Смертию смерть поправ!»**

Но мало известным остается тот факт, что атака Запасного полка Князя Владимира Андреевича Храброго, решившая исход Куликовской битвы, проходила под черным Знаменем с изображением «Адамовой головы». И в битве при Молоди в 1572, когда под Серпуховом Опричная Рать Благоверного Государя Иоанна Васильевича Грозного под командой воеводы Дмитрия Ивановича Хворостинина разгромила огромное войско Крымских татар (снабженное турками, ко всему прочему, и осадной артиллерией), Знамя воеводского полка было освящено изображением «голова Адама».

Очень широко как символ «смерти» эта «эмблема» (череп и кости) использовалась и в иностранных армиях, особенно западноевропейских. Но ни где и ни одна армия мира, кроме Русской Армии, не вкладывала в нее такой глубокий сократальный смысл - **«смерть - Безсмертие»**. Всевозможные «гусары смерти», «черные легионы» и «легионы смерти», самое большее, видели в этом символе безстрашие и презрение к смерти. «Смерть или слава» - вот был их лозунг. В Русской Императорской Армии

воинские части, принявшие сей великий символ, именовались – «Безсмертными». Примечателен такой случай. В ходе заграничного Освободительного похода Русских Войск против Наполеона, к Александрийскому гусарскому полку русской кавалерии (носившему этот священный символ на своих головных уборах) подъехал прусский фельдмаршал Блюхер, и приветствовал их как «гусар смерти».

Командир «Александрийцев» князь Мадатов ответил Блюхеру: «Мы не «гусары смерти», мы «Безсмертные» гусары».

Впоследствии Государь Император Николай Александрович, Святой Царь-Мученик, в начале XX века Своим Высочайшим Указом установил за «Александрийцами» знак – «Крест весь черный с серебряной Адамовой головой в центре», назначив Шефом полка Государыню Императрицу, Святую Мученицу Царицу Александру Феодоровну.

«Баклановское» Знамя - это особый Христианский иконографический образ-символ змеборчества, изображающий победу поборника Христа (воина Христова, либо подвижника благочестия) над змием. Начиная с Первого Христианского Царя Константина, одержавшего победу над врагами с поспешествующей Силой Божией в явившемся Ему на Небе Знамени Сияющего Креста с надписью «СИМЪ ПОБЕЖДАЙ», Господь наш Иисус Христос указал Оружие всему Христоименитому воинству, движимому на «врагов видимых и невидимых» - **Честный Крест Христов**. Синаксарь в Неделю Крестопоклонную наставляет: *«Как при торжественном сретении Царя-победителя обыкновенно предшествуют ему знамена его и скипетры; так и Пасхе Христовой – шествию Победителя греха и смерти – предпосылается знак Его победы – Скипетр Христов, Царское Знамя, Животворящий Крест»*. Древняя традиция почитания Императорской Власти видела в главе государства прежде всего верховного военачальника. Поэтому воинским атрибутам Власти Императора, и в первую очередь Его боевым Знаменам, воздавались почести и поклонение как Самому Императору.

Святой Император Константин Великий, исполнив повеление Христа Бога и изготовив новое Знамя – *лабарум*, поместил на нем монограмму Святого Имени Господа Иисуса Христа и тем самым привел всю свою Империю к поклонению Христу. Святитель Евсевий Памфил так описывает это Знамя Победы: *«на длинном, покрытом золотом копье была поперечная рея, образовавшая с копьем знак Креста. Сверху на конце копья неподвижно лежал венок из драгоценных камней и золота, а на нем символ спасительного наименования: две буквы показывали Имя Христа ... потом на поперечной рее, прибитой к копью, висел тонкий*

плат – царская ткань, покрытая различными драгоценными камнями и искрившаяся всеми лучами света... На прямом копье, которого нижний конец был весьма длинен, под знаком Креста на самой верхней части описанной ткани висело сделанное из золота грудное изображение Боголюбивого Императора и Его Детей».

Так, *лабарум*, в точности соответствовавший видимому Св. Императором Константином в Небе Знамени и являясь олицетворением Креста Спасителя, становится неотъемлемым атрибутом Императорской Власти, и особой воинской реликвией.

«Крест становится символом триумфа Царя, когда, приняв Оружие Победы Спасителя, Царь уподобляется Христу, а Его государственное служение сравнивалось с Крестной Смертью и Воскресением Христа».

С тех пор, Крест изображается на всех Знаменах, Хоругвях и доспехах Христианского воинства.

Так и Русское Боевое Знамя, символизируя собой Честный Крест – Знамя Христа, и неся на себе Святой Образ Нерукотворного Лика Спасителя с девизом «СЪ НАМИ БОГЪ», возглавляло Христолюбивое Воинство Русское на всех полях сражений, ведя его от смерти к Безсмертию.

В чине освящения воинского Знамени, «еже есть священная хоругвь», Святая Церковь молится Всемогущему Богу, да подаст «верному Своему воинству, знамение сие носящему, и на сие взирающему, дерзновение, силу и крепость, на сотрание и попрание крепости супостат наших» и «сию хоругвь, юже на дело брани приуготовихом, небесным Твоим благословением присети, благослови и освяти, яко да будет верному Твоему воинству, на сопротивныя языки одоление и известная победа: и хранительством Твоим ограждена сущи, в бегство да претворит всех супостатов наших полки, и врагом Христианского рода страшна всегда и ужасна да явится: верным же Твоим на Тя уповающим, известное упование победы, дерзновение же и крепость да будет», и в Царство Небесное «путевходы сотворит».

В «Баклановском» знамени надпись: «ЧАЮ ВОСКРЕСЕНИЯ МЕРТВЫХ И ЖИЗНИ БУДУЩАГО ВЕКА. АМИНЬ», свидетельствует, что всякий вставший под это Знамя, исповедуя по слову Первоверховного Апостола: «Подобает бо тленному сему обещися в нетление и смертному сему обещися в бзсмертие» (1 Кор. 15,53), чаает, что действием Всемогущего Бога, Его Милосердием, восстанет он для жизни Будущего Века, когда «Будет Богъ всяческая во всех» (1Кор.15,28).

КАЗАЧЕСТВО – ЭТО ВЕЛИЧИЕ ДУХА РУССКОГО НАРОДА

Всеблагим и неисповедимым Промыслом Божиим судьба казачества неотделима от судьбы России. Казакам испокон веков первыми приходилось принимать на себя удары всевозможных завоевателей, поработителей и «расчленителей» России. А первый удар, как известно, всегда самый мощный и страшный. И чтобы удержать его, максимально ослабить, а затем нанести достойный ответный удар, необходимы отвага и мужество, твердость духа и вера в правоту своей миссии защитника Отечества. Все эти качества выковывались в казаках в горниле войн и сражений, во время походов и службы на порубежье Святой Руси.

С малых лет воспитывался казак, верой и правдой служить Богу, Царю и своей Отчизне, хранить ненарушимо простоту отцовских древнерусских обычаев. Казак не представлял себя вне Православной Веры, пронизывающей весь его жизненный уклад. А в силу характера своего служения готов он был в любой момент предстать пред Господом, встречая смерть и муки с улыбкой на устах и с молитвой к Спасу Всемиловитому в душе, да с горячей любовью к Тихому Дону и Святой Руси в сердце своем.

«Казачество – это необычайное явление величия Духа Русского Народа, поразительное порождение его истории, чего не явил никакой другой народ мира». Смыслом своего служения, самой жизни своей, казак положил Евангельскую заповедь Христа Спасителя: **«нет большей той любви, как если кто положит душу свою за други своя»** (Ин.15,13). Именно такой смысл своего жертвенного служения, вкладывало Русское Христолюбивое Воинство в символ – «Череп и кости». Именно так осмыслил и принял чуткой казачьей душой присланный ему Святой Стяг генерал Бакланов. А что, значит, быть казаком, нам показывает вся жизнь Якова Петровича Бакланова. Жизнь истинного воина во Христе.

На протяжении последнего столетия история казачества трусливо замалчивалась либо умышленно искажалась «сынами лжи». Героические страницы, кровью вписанные казаками в историю Русской Армии, в историю Святой Руси, искусственно и искусно вымарывались из народной памяти крестоненавистниками. Из-за их страха пред Правдой Божией, пред Голгофским Крестом - ЗНАМЕНЕМ ПОБЕДЫ Господа нашего Иисуса

Христа над грехом, проклятием, смертью и дьяволом. Люто ненавидя Крест Святой, силою Которого сокрушается кагальная власть над душою Русского Народа, крестоненавистники в своей иступленной войне против Христа Бога стремятся, во чтобы-то не стало, одолеть тот *Остаток Верных*, ту «*Опричнину*» – малое стадо Христово последних времен, о которой пророчествовал Глинский Старец преподобный Порфирий:

«За Веру восстанут из народа неизвестные миру и восстановят поправное».

Кто же эти неведомые миру герои? Кто эти «опричники» Небесного Царя, которые в день последней брани одолеют и сокрушат вражью силу? Это те вои Христовой Рати, которые, стряхнув с себя оцепенение «страха ради иудейска», устремятся за своим Царем и Воеводой - Победителем смерти, ИИСУСОМ СЛАДЧАЙШИМ. Это те оруженосцы, «отвержиесе себе», которым Святыми Благоверным Государем Иоанном Грозным и Царем-Мучеником Николаем вручается грозное Оружие, коим мир побеждается и ад сокрушается – «безумие» КРЕСТА. Это те ратоборцы, которым завещана от Бога РУССКАЯ ДОРОГА. Это те змееборцы, которые, встанут под Святое Черное Знамя БЕЗСМЕРТИЯ, на котором вокруг «Адамовой главы» сияют победные слова:

**«ЧАЮ ВОСКРЕСЕНИЯ МЕРТВЫХ
И ЖИЗНИ БУДУЩАГО ВЕКА.
АМИНЬ»**

Христос Воскресе! Воистину Воскресе Христос!

Диакон Евгений Семенов

Вместо послесловия:

«С молодцами-донцами, готовыми жизнь свою отдать за своего командира, за славу Дона, Бакланов стал страшен всему Кавказу. Имя Донского казака снова было так же грозно, как и в 1812 году, как во

время Азовских походов. С уважением говорили о Донских казаках в Армии, со страхом думали о них черкесы и татары. Во всей Кавказкой Армии, казачьих и солдатских полках знали тогда песню про Бакланова:

Честь прадедов-атаманов,
 Богатырь боец лихой,
 Здравствуй, храбрый наш Бакланов,
 Разудалый наш герой!

Славой, честью завидной
 Ты сумел себя покрыть:
 Про тебя, ей-ей, не стыдно
 Песню громкую сложить!

Ты геройскими делами
 Славу дедов и отцов
 Воскресил опять меж нами.
 Ты - казак из казаков!

Шашка, пика, верный конь,
 Рой наездников любимый –
 С нами ты, неотразимый,
 Мчишься в воду и в огонь.

Древней славы Ермаковой
 Над тобою блещет луч;
 Ты, как сокол из-за туч,
 Бьешь сноровкою Платовой.

Честь геройскую любя,
 Мчишься в бой напропалую:
 За Царя и Русь Святую
 Не жалеешь сам себя.
 Бают: вольный по горам,
 По кустам, тернам колючим
 Лезешь змеем здесь и там,
 Серым волком в поле рыщешь,

Бродишь лешим по горам,
И себе ты славы ищешь,
И несешь ты смерть врагам;
Ходишь в шапке-невидимке,
 В скороходах-сапогах,
 И летишь на бурке-сивке,
 Как колдун на облаках.
 Свистнешь – лист с дерев валится,

Гаркнешь – вмиг перед тобой
Рать удалая роится –
Точно в сказочке какой!
 Сыт железной просфорю,
 Спишь на конском арчаке, -
 И за то прослыл грозюю
 В Малой и Большой Чечне.

И за то тебе мы, воин,
Песню громкую споем:
Ты герой наш, ты достоин
Называться КАЗАКОМ!»